

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

ДЬЯВОЛ
ИЗ САКСОН-УОЛЛ

Золотой век английского детектива

Глэдис Митчелл

Дьявол из Саксон-Уолл

«Издательство АСТ»

1935

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Митчелл Г.

Дьявол из Саксон-Уолл / Г. Митчелл — «Издательство АСТ»,
1935 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-119364-5

Дорога в ад вымощена благими намерениями, и жаль, что миссис Брэдли, рекомендовавшая своему пациенту, знаменитому писателю Ганнибалу Джонсу, отдохнуть в уютной и мирной деревушке Саксон-Уолл, совершенно позабыла это мудрое изречение. Очень скоро в деревушке происходит жестокое убийство. Провинциальная полиция растеряна, суеверные местные обитатели винят во всем происки нечистого, однако не верящая в дьявола миссис Брэдли отправляется в Саксон-Уолл, чтобы лично вывести убийцу на чистую воду...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-119364-5

© Митчелл Г., 1935
© Издательство АСТ, 1935

Содержание

Явление первое	6
Глава I	6
Глава II	12
Глава III	15
Явление второе	17
Глава I	17
Глава II	21
Глава III	25
Глава IV	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глэдис Митчелл

Дьявол из Саксон-Уолл

Посвящается Хелен Симпсон

*«Крепость и красота – одежда ее, и весело смотрит она в будущее.
Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на
языке ее.*

*Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест хлеба
праздности.*

Встают дети и ублажают ее, муж – и хвалит ее».
Книга Притч; 31

Явление первое

Жанровая картина

«Крысиный яд у меня уже приготовлен. Я ничем не рискую: ее смерть всегда можно приписать джину – от него столько людей умирает естественной смертью, что меня никто не заподозрит. Но допустим, меня даже повесят. Ради того, чтобы отравить эту мерзавку, не обидно и в петлю угодить».

Джон Гэй. Опера нищего. Акт III, сцена VII

Глава I

«Вот, например, молодая женщина с истерическим параличом ног».

Роберт С. Вудворт. Современные школы психологии

До 1920 года с Хэнли все было порядке. Констанция хорошо это помнила, потому что перемены начались в тот апрельский день, когда муж вернулся с так называемой лондонской конференции. Сам Хэнли говорил об этом мероприятии довольно туманно, но Констанцию это не смущало: она относилась к тем людям, которые додумывают то, что им неизвестно. Констанция решила, что во время войны Хэнли был врачом (потому что никаких других конференций, кроме медицинских, не могла представить), но потом по каким-то причинам оставил свою профессию. По крайней мере, когда они поженились, он уже не практиковал.

В браке Констанция, несомненно, была счастлива: пусть не бурным и головокружительным счастьем, зато спокойным и уверенным, хотя не без легкого смущения – как и подобало скромной девушке, скоропалительно ставшей замужней дамой.

Была ли она счастливой раньше?.. Констанция вспоминала прежнюю жизнь как одну сплошную катастрофу. Даже в младшем классе руководство частной школы, где она училась, не могло придумать для нее никакой награды (а в день окончания учебного года каждому ученику полагалось поощрение), кроме томика стихов Лонгфелло за «хорошие манеры». Но и тут, поднимаясь на сцену за подарком, бедняжка так заспешила, что споткнулась, уронила на пол пакетик с леденцами и, пытаясь удержаться на ногах, порвала колготки. Возвращаясь на свое место, Констанция бросила на растерянную мать испуганный взгляд, чувствуя себя абсолютно неспособной быть образцом хороших манер.

Она никогда не думала, что выйдет замуж. Даже ее мать, весьма оптимистичная и деятельная женщина, на это не рассчитывала. Глядя на Констанцию, она лишь покачивала головой, говоря себе (без особой горечи, но и без каких-либо иллюзий), что дочь далеко не из тех, кто сумеет устроить свою жизнь.

Мать Констанции любила «пробивных» людей. Она и сама была такая. Неизвестно, что двигало Констанцией: желание противоречить матери или природная пассивность, смешанная с упрямством, – но результат всегда был один. Все, за что бы она ни бралась, заканчивалось провалом, начиная с попытки поступить в частную школу для девочек (в тринадцать лет) и до неудавшегося самоубийства (в двадцать три года).

Во время войны отец Констанции сколотил небольшое состояние, так что с финансовой точки зрения ей не было необходимости зарабатывать себе на жизнь. В двадцать четыре года она отправилась вместе с родителями в Неаполь, поскольку мать услышала, будто в Италии жить гораздо дешевле, чем в Британии. Но вскоре выяснилось, что, попав в Неаполь, невоз-

можно не отправиться в Помпеи, и именно в Помпеях Констанция познакомилась с Хэнли Миддлтоном. Ее мать уныло уселась на обломок древней стены; отец, подцепив какого-то бестолкового, но неотвязного гида, отправился осматривать бордель первого века, а Констанция бесцельно бродила в руинах дома, густо заросшего бурьяном, как вдруг заметила молодого мужчину, стоявшего неподалеку и смотревшего в колодец. Он оглянулся и бросил на нее мрачный взгляд.

– Вы медиум? – спросил мужчина.

Констанция испуганно ответила, что нет.

– Тогда подойдите сюда, – предложил он, – и посмотрите, нет ли кого-нибудь внизу.

Констанция осторожно приблизилась и заглянула внутрь.

– Никого, – произнесла она с облегчением.

Молодой человек начал снимать пиджак и ботинки. Констанция решила, что он хочет покончить с собой, в ужасе вскрикнула и бросилась к матери. Довольная тем, что для нее нашлось что-то интересное в этом невероятно жарком и унылом месте (хотя за вход, как она не преминула сообщить мужу и дочери, требовали непомерно много, учитывая обменный курс), мать поспешила на помощь молодому «камикадзе» и, крепко ухватив его за руку, не отпускала до тех пор, пока он не согласился вернуться с ними в отель.

После обеда молодой человек, которого звали Хэнли Миддлтон, сделал предложение Констанции, и она приняла его, не сказав об этом матери.

В Гэмпшире у Миддлтонов имелся особняк Неот-Хаус. Уехав с Констанцией в Англию, Хэнли зарегистрировал их брак в маленьком бюро в Кенсингтоне и отвез супругу в ее новый дом.

Матери Констанции, в общем, понравилось все, что она там увидела. Зато отец, скрытный и недоверчивый, как все бизнесмены, – и притом не одобрявший этот брак, о чем он прямо говорил, – составил новое завещание с одним важным пунктом, который постарался сделать широко известным публике. В нем говорилось, что в случае его смерти ни один пенни из его весьма внушительного состояния не должен перейти к дочери. Лишь одному человеку (и отнюдь не члену своей семьи) он объяснил причину этого неожиданного решения. По его словам, он хотел щедро обеспечить благосостояние своей дочери, пока он жив. Все распоряжения на сей счет были уже даны. Но поскольку отец подозревал, что муж Констанции склонен больше к убийству, чем к самоубийству, новое завещание было призвано по возможности обеспечить ее безопасность. Жене он этого не сообщил, и мать Констанции не знала, что у него на уме. На зятя ей было наплевать, но она испытывала удовлетворение при мысли, что Констанция, имевшая, как она считала, минимальные шансы выйти замуж, все-таки благополучно вступила в святилище Гименея. Странная манера Хэнли таращиться в каждый темный угол, словно ожидая увидеть там какую-то призрачную фигуру, и то, как он вежливо отступал в сторону всякий раз, когда открывалась дверь, как бы давая пройти невидимому гостю, казались ей допустимыми причудами, которые она предпочитала не замечать. Также мать старалась не обращать внимания на привычку зятя делать в саду длинную и узкую насыпь из просеянной земли, а потом втыкать в нее палку. Единственное, что действовало ей на нервы, – его затяжное, угрюмое молчание. Она всегда любила активную, шумную деятельность.

Констанция, впрочем, выглядела вполне довольной. Если после отъезда родителей, оставивших ее вдвоем с мужем в огромном, окруженном парком старом доме, в душе и шевельнулось нечто похожее на опасение или тревогу, она ничем этого не выдала. Говоря по совести, не считая факта, что ее муж был нелюдимым и целиком погруженным в свои мысли человеком, любившим долгие одинокие прогулки и выдержанное виски (которое, как Констанция вскоре заметила, не оказывало на него никакого действия), она всю наслаждалась своим браком, насколько это позволяли ее скудная душа и ум.

Мать писала ей часто, отец – раз в четыре или пять недель. Письма матери были полны рекомендаций вроде «скажи Хэнли то или скажи это», а отец ограничивался сухими и, по мнению дочери, загадочными просьбами обязательно напомнить Хэнли, что его завещание не изменилось.

Самому Хэнли, похоже, было одинаково безразлично и то и другое. Он проявлял неизменную вежливость к жене и никогда не жаловался на ее кулинарные способности. Раз в месяц ездил на конференцию в Лондон, и когда однажды, после его пятидневного отсутствия, Констанция заметила, что прочитала шесть лондонских газет и ни в одной из них не нашла упоминаний о конференции, муж бросил на нее такой мрачный взгляд, что душа у нее ушла в пятки. Но выражение его лица сразу изменилось. Он улыбнулся и объяснил, что разговоры ученых, собирающихся в узком кругу, не интересуют прессу.

Деревенька Саксон-Уолл, где они поселились, находилась в удаленной части графства Гэмпшир. Это было некрасивое и неряшливое место, и его жители вызывали у Констанции отвращение и страх. Никогда прежде она не видела таких людей. У нее была плохая память на стихи, но каждый раз, когда Констанция сталкивалась с одним из обитателей Саксон-Уолл, ей приходила в голову строчка: «гадкий, низкий, полный лжи». Все как на подбор белобрысые, с грязными всклокоченными волосами, похожими на измочаленные метлы, с узкими хитрыми глазками под нависшими бровями, с низким лбом, с огромными растопыренными ступнями, словно расплюснутыми в тяжелых башмаках, и с длинными ручищами, на которых болтались тяжелые грубые пятерни. Мужчины и женщины были одинаково злобны и тупы, поэтому к ее страху примешивалась брезгливость. Даже дети у них казались маленькими уродцами, а большинство из них, стоило Констанции появиться на улице, бросали в нее камни.

Хэнли только смеялся, когда она жаловалась, насколько ей неприятны эти люди. Сам он не выходил из дома днем, хотя прислуга шепталась о ночных прогулках, после которых хозяин возвращался совершенно без сил и даже не мог стянуть с себя ботинки. Целыми неделями Констанция спала и завтракала в одиночестве, но по каким-то непонятным причинам, в которые она старалась не вдаваться (возможно, поскольку не хотела признаваться себе в том, что все больше боится нелюдимого мужа), никогда не задавала ему вопросов и не пыталась выяснить, почему он оставляет ее одну.

Однажды к ней заглянул местный викарий, пожилой мужчина по фамилии Пуллборо, и попросил открыть осенний благотворительный базар. Но когда Хэнли узнал, что в их доме был священник, он впал в такую ярость, что Констанция, до смерти перепуганная, пообещала больше не принимать викария и не посещать церковных служб. В тот момент она могла пообещать что угодно, потому что Хэнли внезапно бросился на пол и начал колотиться головой о край камина. Констанция долго сидела рядом и прижимала его к себе, умоляя успокоиться.

Так прошло восемнадцать месяцев, и наконец наступило время, когда Констанция стала замечать, что муж изменился. В тот день Хэнли вернулся после очередной «конференции», причем не один, а с женщиной по имени Вильмина Бэрроу. Констанция, понятия не имевшая, что нужно делать в подобных случаях, заказала самые изысканные блюда: мисс Бэрроу объявила себя большой поклонницей испанской кухни и не преминула заметить, что она превосходит английскую.

Когда позднее Констанция вспоминала об этом визите, ей казалось, будто он состоял только из бесконечных отлучек мужа, проводившего долгие часы со своей гостьей (в эти дни он был необычайно дружелюбным, мягким и общительным), и разных странных и зловещих звуков – глухих ударов, вскриков, скрипа половиц, – раздававшихся после наступления темноты. За все это время Хэнли ни разу не ночевал в комнате Констанции.

Мисс Бэрроу уехала через две недели. Она посадила жуткий синяк под глазом, якобы наткнувшись в темноте на старые часы, а потом едва не охромела, налетев бедром на тяжелое ведро с углем. В обоих случаях Констанция не видела, как это произошло. Хэнли никогда

не был особо разговорчивым, а после отъезда мисс Бэрроу окончательно ушел в себя. Его и раньше раздражали всякие мелочи, но теперь любая помеха желаниям повергала его в черную меланхолию, которая могла длиться неделями. Хэнли жестоко избивал своих собак и однажды выбросил кошку из окна. Если Констанция попадалась ему на пути, он грубо отталкивал ее, а один раз даже отшвырнул ногой. На робкие попытки жены протестовать отвечал площадной бранью.

Хэнли перестал делать земляные горки в саду и, кажется, начал меньше пить. Но жить с ним было все равно что делить кров с диким и опасным хищником, который может дни напролет проводить в мрачном молчании, а потом вдруг взорваться приступом бешеной ярости, приводившим Констанцию в такой ужас, что она пряталась в своей комнате, ожидая, пока муж успокоится. Странно, что при этом он всегда умел находить слуг. Стоило ему выставить за порог кухарку или горничную, как сразу находились новые. И каждый раз это был кто-то из местных женщин, неизменно преданных Хэнли, зато враждебных к Констанции.

Наконец, измученная и напуганная, она осмелилась пренебречь запретом Хэнли и отправилась за советом к викарию. Тот предложил ей вернуться к родителям. Констанции и самой приходило в голову, что это самый лучший выход. Теперь она не сомневалась, что ее муж безумен.

– Порой мне кажется, будто он сам дьявол, – пожаловалась она со слезами на глазах.

– В смысле одержим бесом? – уточнил викарий. – Местные жители уже давно пытаются убедить меня в том, что среди них живет дьявол. Даже утверждают, что иногда он являет себя публично. Но, к счастью, я целиком занят своими минойцами, и у меня нет времени на подобную чепуху.

Констанции решила, что для нее у викария тоже нет времени. Вспомнила, что отказала ему в просьбе о базаре, и хотя это не особенно расстроило его, сейчас он явно не собирався вешать на себя ее проблемы. Викарий продемонстрировал это вежливо, однако недвусмысленно, и Констанция, будучи особой более чувствительной, чем можно было ожидать от ребенка с такой матерью, вернулась в Неот-Хаус. К счастью, Хэнли находился в состоянии безмолвия. Он бросил на нее угрюмый взгляд, но промолчал. В ту же ночь она последовала за ним в поселок, чтобы выяснить, куда он ходит и – если получится – чем занимается во время своих полуночных прогулок, которые повторялись теперь чаще. В ее голове мелькала мысль, что если она сумеет предоставить лондонскому доктору конкретные доказательства странностей супруга, то его поместят в клинику и вылечат. Несмотря на грубое обращение, Констанция была полна благожелательности к мужу и объясняла его поведение тем, что его контузило на фронте.

Хэнли прошел мимо темного особняка и углубился в парк. Здесь он принялся ходить зигзагами, следуя какому-то странному и, как ей вначале представлялось, необъяснимому маршруту. Но через несколько минут Констанция поняла, что он просто переходил от вяза к вязу, пропуская остальные деревья, и нежно гладил каждый ствол. Когда ее уже стало утомлять это бессмысленное блуждание, Хэнли свернул на юг и покинул парк, перебравшись через стену. Констанция подождала, когда он отойдет подальше, и последовала его примеру. Перелезть через ограду оказалось просто: несколько плит из нее были вынуты и сложены в виде лесенки.

К удивлению Констанции, Хэнли привел ее к церкви, находившейся на другом конце поселка. Пуллборо никогда не запирали ее. Вне себя от волнения и страха, Констанция вошла через южную дверь и остановилась, не решаясь шагнуть в темноту, хотя слышала, как Хэнли спотыкался, поднимаясь по ступеням алтаря. У нее возникло неясное чувство, что следует как-то помешать этому кощунственному вторжению в святое место, но она слишком боялась мужа, чтобы обнаружить свое присутствие. Вскоре в глубокой тишине послышалось невнятное бормотание, словно Хэнли молился, а минуту спустя его неуверенные шаги направились обратно к выходу.

Констанция отступила в сторону и спряталась в складках дверного полога, пока муж не вышел наружу. Тогда она снова последовала за ним. На сей раз он обогнул церковный дворик, словно что-то выискивая среди могил. Наконец наклонился, и Констанция увидела, как на землю упал яркий луч его фонарика. Она подкралась ближе. Свет погас. Хэнли выпрямился и, развернувшись, направился прямо к ней. Констанция, скорчившись под ветками тиса, пропустила его мимо и снова двинулась за ним.

Его путь лежал к единственному домику в поселке, где еще горел свет. Констанция мало знала о местных обитателях и понятия не имела, кто здесь жил. Хэнли толчком открыл маленькие воротца, прошел по дорожке через сад и постучал в дверь. Она сразу открылась и захлопнулась за ним.

Констанция вдруг поняла, что очень устала. Она понимала, что бесполезно пытаться заглянуть в окно, поскольку снаружи его закрывали густые заросли герани.

Констанция села у ворот на мокрую от росы траву и стала ждать Хэнли. Она не сомневалась, что он пришел сюда, чтобы провести ночь с какой-то женщиной, живущей в этом доме, и решила, что, немного отдохнув, вернется в Неот-Хаус и ляжет в постель. Никаких планов на будущее у нее не было. В голове мелькали туманные мысли о разводе, но она не представляла, какие доказательства нужно предъявить для расторжения брака. К тому же полученное воспитание заставляло ее восставать против любого нарушения супружеских обетов, принесенных в те времена, когда она с оптимизмом смотрела в будущее и надеялась на счастливое замужество.

Но Хэнли не дал ей отдохнуть. Вскоре дверь снова отворилась, и он вышел на крыльцо, а вслед ему, словно какой-то грешный дух, завыл женский голос:

– Закопай это во имя Старца, мастер! И ничего не забудь, не то твои труды пропадут даром!

Констанция узнала этот голос. Три дня назад Хэнли поручил ей принять новую горничную, девушку по имени Флюк. Это была ее мать. Она явилась в Неот-Хаус вместе с дочерью и говорила без умолку – гораздо больше, чем сама хозяйка дома. Констанция слышала, что у нее была репутация ведьмы. Ведовство, являвшееся в Лондоне предметом чисто интеллектуального интереса, как в историческом, так и в философском плане, в Саксон-Уолл считалось реальной силой, которую боялись и ненавидели. Констанция решила, что старуха вполне могла быть ведьмой. Иначе откуда брались бы истории про кровавую луну, адских гончих и крылатых змеев?

Женщина рассмеялась, а потом дверь закрылась. Хэнли, неся какой-то груз, прошел совсем рядом с Констанцией, вжавшейся в живую изгородь, и в этот момент ее плеча коснулось что-то легкое, словно на нее упал древесный лист. Она подняла руку и нащупала нечто похожее на колос. Это был сухой початок кукурузы. Осторожно ощупав его, Констанция выковыряла несколько зернышек и машинально отправила их в рот.

Потом она встала и отправилась за мужем в Неот-Хаус.

Когда они только приехали в Саксон-Уолл, Констанция решила, что комната, расположенная прямо под ее спальней, может стать уютным гнездышком, где она будет читать или вязать, заниматься вышивкой или лепить из глины, чтобы не мозолить глаза мужу, когда тот захочет побыть один. Хэнли понравилась эта идея, и через несколько месяцев две смежные комнатки стали для нее привычным убежищем, где она пряталась от его мрачного молчания или приступов его ярости.

Хэнли стал огибать дом, пока не дошел до ее комнат. Здесь он положил кукурузный сноп на край лужайки и, сопровождаемый Констанцией (которая теперь окончательно убедилась, что муж спятил), сходил в конюшню за фонарем, зажег его и вернулся обратно. Рядом из цветочной клумбы торчала лопата. Вооружившись этим инструментом, он выкопал яму под окном ее спальни, положил в нее сноп и забросал его землей, после чего спокойно отправился в дом, очевидно чтобы лечь в постель.

Констанция подождала еще четверть часа.

Потом в лихорадочной спешке она откопала сноп, перекрученный и скрепленный булавами так, что из него получилось нечто вроде человеческой фигуры, напоминавшей, как ей показалось, ее собственную. Оставив яму открытой, Констанция распахнула свое окно, бросила в него кукурузу и забралась в комнату через подоконник.

У нее было немного денег. Спалив сноп в камине, она пересчитала свои средства и, несмотря на усталость, пешком отправилась на станцию, решив ни в коем случае не оставаться в этом проклятом месте, а вернуться к родителям и попросить у отца совета насчет докторов для Хэнли. На рассвете доковыляла до станции, два часа прождала поезд и наконец добралась до отцовского дома в Кенсингтоне, где выяснилось, что у нее сильнейшая лихорадка и ей срочно нужна врачебная помощь.

Отец и мать пришли в ужас. Они тщательно ухаживали за дочерью и по фразам, вырывавшимся у нее в бреду, догадались о причинах ее тяжелого состояния и твердо решили, что она не вернется к мужу.

Однако после выздоровления Констанция проявила неожиданное упрямство, заявив, что непременно должна вернуться к мужу. Она провела много времени, размышляя о своем странном поведении: выкапывание кукурузы, сожжение снопа, – и убедила себя в том, что все это ей померещилось. Вот только следы от булавок, впившихся ей в руки, сильно воспалились и никак не заживали.

За это время мать Констанции сделала несколько эпизодических, однако настойчивых попыток выяснить, в какой именно момент с медицинской точки зрения обычные странности пациента начинают считаться психической болезнью.

Лондонский врач, ничего не зная о Хэнли и решив, будто нервная мамаша беспокоится об умственном здоровье своей дочери, поднял планку психопатического расстройства так высоко, что у бедной женщины сложилось убеждение, что только массовое убийство способно убедить доктора в чем-либо безумии. Облегчение, смешанное с отчаянием, заставило ее уступить Констанции, которая вознамерилась вернуться в Саксон-Уолл.

Родители сделали все возможное, чтобы переубедить дочь, но их попытки разбились о ее упрямство. Констанция упорно твердила, что нужна своему мужу. Растерянная мать позволила ей уехать.

– Похоже, он ее заколдовал, – пробормотала она.

Муж буркнул что-то неразборчивое, но в его глазах мелькал страх.

Глава II

*«Чей крик меня понудил с ложа встать, Страх леденящий в сердце
водрузив?»*

Томас Кид. Испанская трагедия. Акт II, сцена V

В конце месяца, протянув столько времени, сколько позволяла совесть, Констанция вернулась в Неот-Хаус. Она прибыла туда в шесть часов вечера. Поездка на поезде через всю страну и длинный путь от станции до Саксон-Уолл заняли пять с половиной часов, и она чувствовала себя очень уставшей. Констанция понятия не имела, что ждет ее дома. По настоянию матери она трижды писала Хэнли, но тот ни разу не ответил.

– Лучше останься с нами, – твердила мать. – Пусть в Неот-Хаус съездит отец и поговорит с твоим ненормальным мужем. Если бы ты вела себя более осторожно, милая, и не стала бы выходить замуж за первого встречного, о котором мы не знаем ничего, кроме того, что он собирался прыгнуть в колодец, – скольких тревог и печалей мы могли бы избежать! Но теперь поздно об этом жалеть. Я знаю только одно – ты не должна к нему возвращаться. Если совершишь такую глупость, я отказываюсь за что-либо отвечать!

– Я собираюсь уехать к концу месяца, – сухо произнесла Констанция. – Он мой муж, и я должна быть с ним.

– Ты спятила, – покачала головой мать, но в ее голосе было больше страха, чем злости.

Отец предложил поехать вместе с ней, однако Констанция категорически отказалась от его помощи, пообещав вернуться домой, если дела пойдут совсем плохо.

Приблизившись к гостинной, она услышала голоса и смех Хэнли. Он редко смеялся, и этот звук поразил ее. Констанция быстро поднялась по лестнице в свою спальню. Постель была не убрана, словно в ней недавно кто-то спал. Вид смятых простыней и скомканной пижамы не подготовил ее к тому, что она увидела через несколько минут, когда, торопливо прибравшись в комнате, спустилась вниз.

Хэнли сидел, развалившись в кресле, и держа в объятиях полуодетую девушку, черноглазую и белокожую, с мрачновато-красивым лицом, – горничную Флюк. На ее молочной шее поблескивало жемчужное ожерелье, которое Констанции подарил отец на восемнадцатилетие.

Констанция застыла в дверях, почувствовав легкое головокружение, но взяла в себя в руки и пробормотала:

– Хэнли, я... я вернулась, дорогой. Что ты хочешь к чаю?

С лица мужа мгновенно исчезло выражение игривости, и оно сразу стало настороженным и хитрым. Он обнажил зубы, хотя и без намека на улыбку, и обратился к сидевшей на его коленях девушке:

– Дилайла, кто-то услышал наш зов. Сходи принеси чаю, дорогая. Да поживее. – И он толкнул ее на пол, словно она была назойливой собакой.

Констанция подошла ближе и сказала:

– Хэнли, я не хочу чаю. Я лучше подожду. Я думала, это ты пьешь чай. Уже шесть часов вечера или больше.

– Ужина не будет, – усмехнулся он. – В доме нет слуг. Все ушли. Разбежались, как только умерла Констанция. Вряд ли ты помнишь Констанцию. Она была полной дурой. Ни за что не согласился бы жить с ней. Она меня раздражала. Хорошо, что я от нее избавился.

Как он и сказал, в доме не было ни одного слуги. В кухне громоздились горы грязных тарелок, чашек и стаканов, а из кладовой разило сгнившим луком. Подставка для сушки, на которой, судя по всему, разделявали курицу, была заляпана кровью; из кастрюли на плите

торчали перья. На полу, усыпанном теми же перьями, валялись пивные бутылки, а на оконной раме висели в ряд куриные гребешки и ножки, крепко приколотенные к дереву.

Констанция машинально принялась за работу. Приведя кухню в относительный порядок, она заварила себе чай, обнаруженный в одном из шкафчиков, выпила чашку и отправилась к старому доктору Кревистеру, который жил в дальнем конце поселка рядом с приходским священником. Тот усадил Констанцию в темно-бордовое кожаное кресло с грубо торчавшим наружу конским волосом и выслушал ее опасения по поводу душевного здоровья мужа. Потом покачал головой.

– Вероятно, это следствие продолжительного стресса, – заметил доктор. – Что вполне может привести к полному безумию, миссис Миддлтон. Вы знаете, что после вашего отъезда в этом доме умер ребенок? Я подозреваю, что его убили.

– Убили? – Констанция попыталась выдавить улыбку. – Вы шутите?

– Ребенок умер, это факт. Совершенно здоровый малыш. Я знаю, потому что сам принимал роды. Хотя мамаша возражала! А уж эта жуткая старуха, его бабка, и подавно! Но я настоял. Даже угрожал полицией. Ни за что не доверил бы ребенка старшей Флюк, тем более если младенца не хочет мать и эта мать – ее собственная дочь. Кстати, ваш муж вне подозрений. Он недавно вернулся домой.

– Но ребенок умер, – тихо произнесла Констанция.

Потом неожиданно она рухнула без чувств.

Доктор, человек добрый и распорядительный, устроил ее на ночь у своих друзей, супружеской пары из соседнего городка Стаухолла, и через два дня Констанция вернулась к родителям. А еще через пару недель к ней, к всеобщему изумлению, явился Хэнли, притащив с собой Марту Флюк.

Констанция никогда не видела его таким мягким и покладистым. Ее родители, ошарашенные и возмущенные свалившимся на них «ménage à trois»¹, не знали, что делать и как справиться с данной ситуацией. Они призывали дочь отстоять свои права, а когда это не помогло, разыграли мелодраматическую сцену и потребовали подать на развод. Констанция молчала. Она заметила, что, если не считать Марты Флюк, с которой муж не расставался ни на минуту, Хэнли выглядел не менее здоровым, чем она сама. Скорее даже более: пока Констанция чахла и бледнела от тревоги, Хэнли, казалось, наоборот, набирался сил и чувствовал себя лучше, чем в первые дни ее замужества.

Эта странная ситуация тянулась до ноября 1923 года, когда Хэнли неожиданно избавился от Марты Флюк, снова оказавшейся на сносях, и потребовал от жены немедленно вернуться в Неот-Хаус.

Констанция, оскорбленная и испуганная, отказалась. Родители ее поддерживали. Мать чередовала слезные мольбы с суровыми приказами, переходившими в истерические призывы. Вскоре, на вечере в масонском обществе, внезапно умер отец, и после похорон измученная Констанция сдалась, согласившись вернуться с мужем в Неот-Хаус.

Мать умоляла дочь и угрожала Хэнли, но они все равно уехали.

Следующие три с половиной месяца ее жизнь напоминала первые недели после замужества. Хэнли был молчалив, но спокоен, а прислуга под его строгим контролем демонстрировала полное уважение к Констанции.

Сама она жила как во сне. Вставала, ела, делала вид, будто распоряжается по дому или в кухне, и никогда не уходила дальше границы парка или яблоневого сада.

В конце третьего месяца Констанция проконсультировалась с доктором Кревистером, и тот подтвердил ее подозрения, что она ждет ребенка.

---

¹ Любовный треугольник (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

После их возвращения Хэнли ни разу не покидал дом после наступления темноты. Про Марту Флюк он, похоже, совсем забыл и даже близко не подходил к дому старой ведьмы. Новость о ребенке оставил без комментариев, хотя, по мнению Констанции, это выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Иногда Хэнли с глумливой ноткой в голосе, которая выводила ее из себя, придумывал ей новые имена. Сначала Констанция пыталась делать вид, что ее это устраивает, но, заметив, что ее довольный вид портит ему удовольствие и повергает в мрачность, которая так плохо закончилась в прошлый раз, стала выражать подлинные чувства – горечь и обиду, – и это доставляло Хэнли такую радость, что она продолжала практиковать то же самое уже после того, как привыкла к новым прозвищам.

– Гризельда! – звал и довольно усмехался Хэнли, увидев выражение ее лица. – Терпеливая Гризельда! – продолжал он и только потом, полностью насладившись болью и унижением Констанции, говорил, что ему нужно.

Кроме этой единственной формы жестокости, которую Хэнли позволял себе в это время, было еще нечто такое, что сильно беспокоило Констанцию и что она старалась всеми силами выбросить из головы. Да, она научилась бороться с трудностями, но толку от этого было немного. В Хэнли поселилось какое-то тайное злорадство. Иногда Констанция ловила на его лице выражение странного, почти безумного дьявольского ликования, и оно проступало тем ярче – в этом она не сомневалась, – чем меньше времени оставалось до рождения ребенка. Еще один злобный факт заключался в цензуре, которую он ввел на всю ее переписку. Хэнли запретил ей писать матери о своей беременности или приглашать ее к ним в дом. Лишившись единственной радости и утешения, Констанция окончательно впала в уныние и с ужасом ждала, что будет дальше. Она сама не понимала, чего боится. Страх вселился в нее и преследовал повсюду. Порой во сне Констанция видела сатанинскую ухмылку Хэнли и вскакивала с диким криком.

Глава III

*«Что касается застывших капель воска, замеченных на платье
обнаруженного в канаве трупа...»*

Томас Де Куинси. Убийство как одно из изящных искусств

В среду в Неот-Хаусе появилась миссис Пайк, а в следующую пятницу у Констанции родился сын. Роды проходили сложно, и доктор Кревистер скромно говорил, что проявил все свое врачебное искусство. В это время он ни разу не видел Хэнли, но уведомил миссис Пайк, что она может позволить ему навестить жену и ребенка, если он захочет.

Получив такое разрешение, Хэнли отправился в спальню, а миссис Пайк решила, что ничто не мешает ей отправиться в кухню и выпить бокал портера, ждавший ее на столе.

Во вторник рано утром Констанция умерла от сепсиса, последовавшего за послеродовой горячкой, и Хэнли безутешно рыдал на плече Марты Флюк, появившейся в его гостиной сразу после того, как доктор Кревистер покинул дом. Доктор был чрезвычайно недоволен Констанцией, которая умудрилась умереть после всех приложенных им усилий, однако недолго сетовал на ее пренебрежение к его профессиональной чести, потому что очень скоро муж миссис Пайк, моряк в отставке, начал жаловаться на сильные боли в брюшной полости (после того, как съел какое-то блюдо, принесенное ему женой из Неот-Хауса), и Кревистеру пришлось его лечить. На второй день больной почти поправился, но в следующую ночь с ним случился еще более сильный приступ, поэтому миссис Пайк ни свет ни заря отправилась за врачом. Дома она отсутствовала более сорока минут, поскольку доктор Кревистер спал и ему пришлось одеться, да и расстояние между домами было немаленькое. Когда они с доктором вернулись, Пайк бесследно исчез, и единственным свидетельством его нового приступа были только грязные пятна на полу и зловоние, стоявшее в душной спальне.

Попытки найти его, предпринятые местными жителями и доктором Кревистером, были тщетны. Казалось, он исчез с лица земли. Впрочем, эта новость занимала поселок всего три дня, потому что у Хэнли Миддлтона вдруг появились тревожные симптомы наподобие тех, что наблюдались у моряка Пайка, и он скрепя сердце обратился за помощью к доктору Кревистеру. Операция оказалась неудачной, и пациент умер. В протокольных записях засвидетельствовали, что гроб заколотили сразу после того, как Марта Флюк, мертвенно-бледная, с темными кругами вокруг глаз, отдала последний долг покойному. Даже мать Констанции, убитая смертью дочери, отказалась с ним прощаться.

Миссис Пайк, принявшая роды у Констанции, стала кормилицей ее ребенка. На этом перед смертью настояла мать, для которой была невыносима мысль, что кормить ее дитя будет Марта Флюк.

Сыну самой Марты уже исполнилось четыре месяца, но его так и не крестили, несмотря на неоднократные напоминания викария. Марте ставили в пример миссис Пайк, но она лишь смеялась, говоря, что если бы у нее был такой же чахлый и убогий мальчик, как у миссис Пайк, она бы тут же понесла его крестить. Потом она передумала, пообещала принести его в церковь, и вскоре ребенок был крещен.

Через неделю после того, как миссис Пайк начала ухаживать за маленьким Миддлтоном, к викарию явилась старая ведьма миссис Флюк и объявила, что «малыш нашей Марты» умер от коклюша и «так измучился, бедняга», что совсем усох и стал похож на трехнедельного младенца, буквально «словно только что родился».

Возникли слухи, что детей перепутали и отдали не тем матерям, но они вскоре затихли. Зато появились другие, более настойчивые: будто бы Хэнли был младшим из двух бра-

тьев-близнецов и еще есть старший, Карсуэлл Миддлтон, который вот-вот заявит свои права на наследство.

Откуда взялась эта новость про близнецов, никто не знал. Похоже, ее пустила в оборот старуха Флюк, но скоро она укоренилась и обросла множеством сторонников. Это было тем более удивительно, что весь поселок знал Хэнли с того самого дня, когда умер его эксцентричный дядя, полагавший, что он император Адриан и что двенадцать шиллингов составляют пенни. Последняя причуда снискала ему особую симпатию у жителей. Именно странности в поведении Хэнли убедили местных, что он самый настоящий Миддлтон, и после его смерти весь Саксон-Уолл притих, ожидая, когда в городок прибудет новый наследник, чтобы объявить незаконнорожденным сына Констанции и зажечь привычной для Миддлтонов широкой и разгульной жизнью. Жителям Саксон-Уолл было невдомек, что только законное рождение дает право на наследство – поскольку жизнь в городке шла по закону «выживет сильнейший», – но старая миссис Флюк, знавшая толк в Библии, привела им в пример Авраама и Агарь и просветила их на сей счет.

Марта Флюк вышла замуж за слабоумного пастуха по фамилии Пэшен, и местные сплетники пришли к выводу, что отцом ребенка Констанции является садовник, а сына Марты Пэшен – Хэнли Миддлтон. Если первое утверждение никем не оспаривалось и вскоре угасло само собой, то против второго горячо протестовали Марта Пэшен, старая миссис Флюк и даже сам Пэшен – деревенский дурачок, работавший у фермера по прозвищу Бердси, – поэтому разговоры на эту тему продолжались еще долго, питаясь шумными спорами, догадками и непристойными остротами.

Тем временем миссис Пайк, и прежде не отличавшаяся здравомыслием, окончательно предалась причудам и заперлась в доме вместе со своим ребенком, наотрез отказываясь выходить на улицу. Она объясняла это тем, что боится, как бы старая миссис Флюк не сглазила ее малыша.

В конце концов сына Миддлтонов передали под попечение адвокатов Хэнли – мать Констанции не хотела иметь с ним дела, – и Неот-Хаус закрыли. Теперь некому было проверять, бродит ли призрак Констанции по пустынным залам и пыльным галереям, если не считать праздничных дней, когда дом открывали для посетителей. Еще пару лет группы туристов с любопытством заглядывали в комнаты, где, как считалось, Хэнли и Констанция провели свои последние часы.

Викарий умер, доктор Кревистер ушел на покой, а «Долговязый парень», местный трактир, перешел в руки семьи из Эссекса. Еще один Долговязый парень, покровитель и, как говаривали, близкий друг старой ведьмы миссис Флюк, мирно спал в могиле на холме Гутрум-Даун. Так прошло еще восемь или девять лет. Обитатели поселка продолжали прозябать в своих пороках, лжи, бесчинствах и уродствах, а также неизменно выпивать пинту пива по субботам. Правда, ее уже не оплачивала щедрость Хэнли Миддлтона, но она по-прежнему доставляла им большое удовольствие, не в последнюю очередь потому, что пиво было отменного качества, а жители Саксон-Уолл, хоть и бесчувственные ко всему прочему, знали в этом толк.

Явление второе Групповой диалог

«Все мне казалось обращенным в другой вид губительными нашептываниями. Так что и камни, по каким я ступал, представлялись мне окаменевшими людьми; и птицы, которым внимал, – тоже людьми, но оперенными; деревья вокруг городских стен – подобными же людьми, но покрытыми листьями; и ключевая вода текла, казалось, из человеческих тел. Я уже ждал, что статуи и картины начнут ходить, стены говорить, быки и прочий скот прорицать, и с самого неба, со светила дневного, внезапно раздастся предсказание».

Луций Апулей. Золотой осел

Глава I

«Ну полно, мой Телефрон, останься немного и, будь любезен, расскажи нам, как ты лишился носа и ушей».

Луций Апулей. Золотой осел

Восемнадцать лет Ганнибал Джонс зарабатывал себе на жизнь довольно сомнительным занятием – писал сентиментальные романы. Это было тем более предосудительно, что до начала своей творческой карьеры Джонс преподавал психопатологию в американском университете и прекрасно знал, что подобные опусы вызывают у читательниц приступы болезненной мечтательности. Под тлетворным воздействием его работ всевозможные старые девы, кухарки, портнихи и домохозяйки, включая собственных родственников, приобретали сильнейший «комплекс Золушки», который отнимал у них свободное время и лишал их воли к жизни.

Увы, солидный доход, который приносили ему книги, заставлял Джонса забыть про стыд. Однако, к счастью для спасения его души, сентиментальная литература являлась не только прибыльным, но и довольно утомительным занятием.

Однажды ранней весной издатель пригласил Джонса на ланч и предложил ему новую идею. Тот слушал очень внимательно. Он и сам уже подумывал о чем-то подобном, но после стольких лет необременительных трудов и «легких денег» пугался серьезной работы. Издатель сказал ему следующее:

– Почему бы вам не взяться за драму? Ведь главная сцена в вашей последней книге – сплошная мелодрама, и читателям это нравится. Опишите трущобы в каком-нибудь промышленном районе или портовом городке. Много живых деталей, пара слезливых сцен: все как в кино, только солиднее и с размахом.

Джонс отнесся к этому предложению серьезно и начал работать изо всех сил. Но чем больше старался, тем труднее ему казалась книга. Результаты приводили его в ужас. У него сдавали нервы, мучила бессонница, но он упорно двигался вперед. Джонс читал книги и статьи по теме, собирал статистику, факты, вырезки из газет и наконец после шести недель напряженной работы в клочья изорвал роман, который, как ему представлялось, должен был поразить публику своей суровой и бескомпромиссной новизной и в то же время стать образцом английской элегантной прозы.

Джонс продолжал вкалывать в поте лица и посылал жене крупные суммы денег на случай, если она захочет продлить отдых на Ривьере, пока он не закончит свой роман. Но у него не было привычки к серьезному труду. Джонс стал раздражительным и мрачным, непохожим

на себя, начал худеть, потерял аппетит, его охватила апатия. Издатель пытался «нажать» на него, сначала по телефону, а потом, когда Джонс перестал брать трубку, с помощью телеграмм. Как человек с деловой хваткой – что является частым, хотя и не обязательным свойством авторов, пишущих ради денег, – Джонс настоял на выплате крупного аванса, и теперь издатель хотел убедиться, что тот действительно работает над книгой. Вполне естественная предосторожность, но издерганного и подавленного писателя это едва не свело с ума.

Кое-как успокоив издателя несколькими путанными фразами, которые, попади они в книгу, любой редактор вычеркнул бы из текста, Джонс, отчаявшийся, но не сломленный, удвоил усилия. Он уволил двух своих секретарей, в то время как третий, впечатлительный молодой человек, сам заразившийся его возбужденным состоянием, пять ночей подряд появлялся у кровати Джонса в виде сомнамбулы, бормоча стихи Уильяма Блейка, чем довел его до нервного срыва.

Джонс дал ему блестящие рекомендации и отправил в отставку. Следующие восемь недель он провел в частном пансионе, а затем обратился к знаменитому врачу-психоаналитику, чья репутация позволяла ему по старинке называть себя просто психиатром, и получил аудиенцию. Врач оказался маленькой, но зловещей на вид женщиной с улыбкой голодного крокодила и острым как нож взглядом. Ее внешность составляла разительный контраст с на редкость худым, истощенным и похожим на труп Джонсом. Погоняв его по обычным тестам, как ментальным, так и физическим, она ухмыльнулась, ткнула Джонса кулаком под ребра и посоветовала заняться садоводством.

– И не забудьте вернуть аванс издателю, – добавила врач.

Джонс, ни словом не обмолвившийся об авансе, был поражен ее проницательностью, однако наотрез отказался иметь хоть что-то общее с карьерой садовода.

– Когда я был мальчиком, – объяснил он, – у моего отца был приусадебный участок. Вы знаете, что это такое?

Маленькая женщина кивнула.

– Так вот, каждую Страстную пятницу, – продолжил Джонс, – отец с раннего утра тащил меня в огород и заставлял бросать картофелины в ямки, которые он проделывал с помощью лункокопателя. После моего пятнадцатилетия эта обязанность автоматически перешла к младшему брату, но с тех пор я поклялся никогда не брать в руки садовый инструмент.

– В таком случае, – произнесла доктор, – возьмите подержанную машину, отправляйтесь в путь и не останавливайтесь до тех пор, пока не найдете какую-нибудь приятную и уединенную деревню. Станьте частью местного общества. Изучайте ее жителей, но ничего не пишите. Любите их. Враждуйте с ними. Заведите тяжбу. Играйте в лапту.

– Но как же моя книга?! – воскликнул Джонс. – По договору я должен закончить ее через два месяца. Я не могу подвести издателя. Мне позарез нужно написать книгу к сентябрю.

– Хорошо, – кивнула психоаналитик и вернула ему чек. – Сочиняйте дальше. Но не просите меня помочь, когда вас отправят в сумасшедший дом.

Джонс написал издателю, вернул ему аванс, выписал еще один чек жуткой рептилии-врачихе, запер свою квартиру, выкатил из гаража обшарпанный автомобиль и отправился на поиски деревни. Три месяца спустя он осел в Саксон-Уолл. Это был тихий, неопрятный и захламленный поселок. Он располагался вдалеке от больших дорог и, кажется, мало заботился о том, что люди, предпочитающие удобства благочестию, называют цивилизацией и прогрессом. От неказистых ферм разило силосом и хлебом, мрачные жители смотрели исподлобья, уродливые домики валились набок, а у местного трактира было странное название. Всего этого оказалось достаточно, чтобы Джонс выделил Саксон-Уолл среди прочих деревушек и решил остаться здесь на долгий срок.

– Не хуже всякой другой, чтобы подлечить расстроенные нервы, – пробормотал он себе под нос, выходя из машины перед «Долговязым парнем».

За большой кружкой пива – лучшего, чем все, что он пил за эти годы, – Джонс прошупал почву насчет того, можно ли снять домик на лето.

– Легко, – ответил хозяин. – Я скажу Бердси, чтобы он попросил съехать матушку Флюк. Она не платила за аренду уже три или четыре месяца.

– Ну а если заплатит? – спросил добросердечный Джонс.

– Кто, матушка Флюк? Можете не беспокоиться. Я скажу Бердси, чтобы он переселил ее в тот маленький домик, который построили для бармена, когда он женился, перед тем как отправиться на фронт. У меня-то самого бармена нет, да он мне и не нужен. По правде говоря, это не дом, а просто развалюха – никто им сто лет не занимался, – но матушка Флюк в любом случае не протянет долго, так что ей без разницы. Я скажу Бердси, чтобы он накинул вам за аренду пару шиллингов, а со старухи не возьму ни цента. Потом я договорюсь с Бердси, и все будут довольны.

Джонс, оценив моральные и финансовые тонкости этой сделки, допил пиво и кивнул. Пресловутого Бердси он так и не увидел, но к концу дня они утрясли все детали, в том числе – что именно из обстановки дома миссис Флюк оставит Джонсу, а что перевезет в новое жилище, расположенное чуть дальше по улице. Джонс даже помог выселенной им старушке погрузить пожитки на две ручные тележки, предоставленные, соответственно, ее дочерью, миссис Пэшен, и ее соседкой, миссис Пайк. Правда, с самой миссис Флюк он не увиделся, поскольку она заранее отбыла в свой новый дом, чтобы на месте распределить перевезенное добро. Миссис Пэшен слегка успокоила взыгравшую совесть Джонса, заметив, что ее мать «будет только рада держаться подальше от Бердси, который каждый понедельник является к ней за арендной платой, и как раз в тот момент, когда у нее в ведре кипит белье, а печь требует растопки!»

Семья Пэшен оказалась его ближайшими соседями. Они знали про аэропланы, но никогда не видели автобусов и считали, что беспроводной телеграф и пылесосы противоречат воле Божьей. Вообще, о том, чего хочет или не хочет Создатель, местные жители, как обнаружил Джонс, имели самые подробные и безошибочные сведения.

На второй день он телеграфировал в Лондон с просьбой выслать ему новую кровать и кое-какие хозяйственные мелочи, после чего начал осваивать свой дом. Джонс снова попытался писать книгу, но это было бесполезно. Он был полностью истощен. Кроме того, его охватила тревога. В конце концов Джонс отложил материалы в сторону, спрятал пишущую машинку под кроватью и стал ежедневно совершать прогулки и изучать местность, стараясь не думать о работе и надеясь, что новые идеи возникнут сами, если он не будет на них заикливаться.

Окрестности деревни не представляли собой ничего примечательного, хотя и выглядели приятно. Его любимый маршрут проходил по болотистым лугам у подножия холма Гутрум-Даун и дальше по зеленым склонам, сплошь поросшим вереском и бурлившим мелкими ручьями.

В траве часто попадались гадюки и медяницы. Эти твари, как скоро выяснил Джонс, наводили ужас на местных жителей, кроме матушки Флюк, которая, если верить слухам, заставляла их плясать на кончиках хвостов при лунном свете и даже составлять своими телами имена темных духов, корчась на земле во время ночных шабашей.

Поговаривали также, будто миссис Флюк посещал сам дьявол и заключил с ней договор в том самом доме, где жил теперь Джонс. Писатель нашел это довольно любопытным, хотя в самом домике, чистом и хорошо ухоженном, с видом на сельские поля, не было ничего мрачного и зловещего. Что касается миссис Флюк, то, судя по рассказам ее дочери, это была бедная, честная и достойная старушка, которую почем зря оклеветали злые языки.

– А вы подождите, пока они поссорятся, – посоветовала ему соседка, бесхитростная миссис Пайк.

Тихая и опрятная миссис Пайк страдала косоглазием, но, если не считать этого недостатка и ее очаровательного сына, белокурого паренька лет девяти или десяти, худосочного и

более умного, чем оба его родителя, Джонс не видел в ней ничего примечательного. В знак своего расположения миссис Пайк присылала ему мальчика с овощами из собственного огорода. Джонс, обожавший зелень и бобы, отвечал ей шоколадом и бананами из местной лавки. Но когда попытался заплатить за зелень, миссис Пайк расплакалась.

Вскоре ее постоянное внимание стало напоминать льстивое угодничество, хотя и не столь навязчивое, чтобы раздражать. Видимо, самое большее, на что она надеялась, это увидеть, как Джонс приподнимет шляпу, встретившись с ней на деревенской улице. А такое случалось часто, если он выбирал маршрут через деревню в сторону большого поместья с парком. Джонс пытался выяснить историю этого особняка – похоже, в нем уже давно никто не жил, кроме сторожа, – но жители Саксон-Уолл отличались редкой и по мнению Джонса, любившего собирать разные истории, возмутительной скрытностью. Ему сказали, что это Неот-Хаус, и больше ничего.

Постепенно его желание писать книгу стало угасать. Джонс больше не вытаскивал ее по два раза за день, чтобы, тяжело вздохнув, убрать обратно. Он рано ложился и хорошо спал. Никогда еще у него не было такой мирной и спокойной жизни. Джонс жил очень экономно и почти не тратил денег. Письма к нему не приходили: никто не знал его нового адреса, кроме жены, уже скучавшей в Ницце, и сотрудников магазина, которые отправили ему кровать и другие вещи. Издатель тщетно звонил ему в лондонскую квартиру. Наконец он перестал быть Ганнибалом Джонсом, автором бестселлеров, не выносившим собственные книги, и стал просто мистером Джонсом из Саксон-Уолл, абсолютно безвестным, но счастливым.

Глава II

«Должен признаться, что изучение англосаксонских законов повергает меня в состояние умственного хаоса. Я понимаю значение отдельных слов; могу разгадать, хоть и не без труда, смысл некоторых фраз. Но все в целом остается для меня полной загадкой».

Чарлз Пламмер. Жизнь и время Альфреда Великого

Прожив в деревне более шести недель, Джонс приобрел обширные, хотя и неглубокие познания в местной жизни. Например, он был в курсе, что в полумиле от домика викария находятся руины замка, но кто в нем жил и почему он оказался заброшенным, оставалось тайной. Слышал и про поместье на другом конце деревни, Неот-Хаус, стоявшем на дороге к побережью, и о том, что на его земле имеется некий «вдовый дом», где живут две сестры, незамужние дамы, которых в деревне знали как мисс Харпер и мисс Фиби. Мнение местных жителей об этой паре зависело главным образом от того, как они относились к их ручному козлу. Животное по кличке Джеральд («плод неразумной страсти бессловесных тварей», как говаривали мисс Sommerвиль и мисс Роуз) свободно перемещалось по дому и сопровождало хозяек во время уличных прогулок и походов в магазин. Среди завсегдатаев «Долговязого парня», куда Джонс регулярно заглядывал утром и вечером, чтобы пропустить стаканчик превосходного эля, Джеральда считали чуть ли не новым воплощением «козла отпущения» из Библии и взирали на него почти с благоговением. Другие, более многочисленные, лишь неодобрительно покачивали головами и что-то бормотали себе под нос, а третьи, самые смелые, во всеуслышание заявляли о «раздвоенном копыте» и интересовались, что происходит за стенами «вдовьего дома» в ночи полнолуний.

Однажды днем, заглянув на почту, Джонс познакомился с обеими дамами и их козлом. Он зашел купить свежий табак, а они – почтовые марки и моток бечевки. Местная дворняжка, болтавшаяся у дверей, залаяла на животное, и коза – а это существо было женского пола, – ничуть не испугавшись, метнулась в ее сторону с такой силой, что вырвала поводок из рук мисс Фиби. Прежде чем разгневанная мисс Харпер успела вмешаться, Джонс отогнал собаку метко пущенным камнем и снова вручил поводок мисс Фиби.

В награду за этот поступок его пригласили зайти на чашку чая во «вдовый дом». Приглашению предшествовал короткий обмен репликами между двумя сестрами и миссис Гэнт, почтмейстершей и хозяйкой лавки в одном лице.

– Как ты думаешь, нам нужны чизкейки, сестрица?

– Нет, сестрица. Я приготовила их утром, пока ты занималась фасолью.

– Тогда мы возьмем у вас баночку клубничного варенья, миссис Гэнт.

– Спасибо, мэм. Восемнадцать пенсов, мэм. Спасибо, мэм.

– Что-нибудь еще, сестрица? Кекс с тмином?

– Джентльмены не любят кексы с пряностями, сестрица! А у нас в доме найдется десяток яиц?

– Конечно, сестрица. Бердси прислал их сегодня утром.

– Тогда все в порядке. Не хотите зайти на чашечку чая, мистер Джонс?

После чая он задержался в гостях дольше, чем рассчитывал, поскольку сестры начали сплетничать о деревне и о Неот-Хаусе. Джонс узнал, что владельцем дома являлся девятилетний мальчик, – по словам сестер, молчаливый и угрюмый, с грубым лицом, – который учился в Сассексе, а на каникулы уезжал в Лондон с одним из своих опекунов.

– Бедное дитя, ужасная история! Неудивительно, что он вырос таким замкнутым, – тараторила мисс Харпер. – Его мать, миссис Миддлтон, умерла сразу после родов, а отец – три

недели спустя, якобы от горя. Хотя, полагаю, дело было совсем в другом: он сам лишил себя жизни. Ужасный конец.

– Все это чепуха, сестрица, – возразила мисс Фиби. – Не забывай, что у нас есть заключение доктора.

– Вот как? И что сказал доктор? – поинтересовался Джонс, плохо понимавший, каким образом врач мог определить, что мистер Миддлтон «умер от горя».

– Доктор Кревистер сначала думал, что это сердечный приступ, вызванный несварением желудка, – ответила мисс Фиби, – но потом они прооперировали его на аппендикс, и неудачно.

– Глупости, сестра.

– Но он был болен, сестрица, очень болен! Ты ведь помнишь, что говорила миссис Пэшен?

– Да, однако это еще не означает, что он не мог себя отравить.

– А доктор так не думает. К тому же мистер Миддлтон не так уж любил свою жену.

– Почему вы так решили? – с любопытством спросил Джонс.

– Потому... – с готовностью начала мисс Харпер, но сестра сразу призвала ее к порядку:

– Перестань, Софи! Мистеру Джонсу неинтересно знать про все эти скандалы.

– Еще как интересно! – воскликнула мисс Харпер. – Все любят слушать про скандалы.

Мне продолжать, мистер Джонс? Конечно, если вы хотите.

Мисс Харпер вздернула очки в золотой оправе и бросила раздраженный взгляд на сестру. Но в следующий момент ее лицо просияло от удовольствия, поскольку Джонс неуверенно про-
бормотал, что действительно любит скандалы, когда в них нет злого умысла.

– Ну, вот видишь! – воскликнула она. – Что бы делал Шеридан, если бы все были такими щепетильными, как ты?

– А это имеет какое-то значение, сестрица?

– Разумеется! Что, по-твоему, я должна ставить в школе для девочек на Рождество? Даже викарий одобряет Шеридана.

– Пусть так, но позволь тебе напомнить, что наша дорогая мамочка всегда была против Шеридана. Не припомню, Софи, чтобы у нас дома хранилась хоть одна его книга.

– Ты путаешь его с Шелли, сестрица. Или с Шекспиром.

– Еще один безнравственный писатель, – сердито буркнула мисс Фиби.

Джонс вмешался и мягко напомнил о теме беседы.

– Так что это за скандал, связанный с мистером Миддлтоном? – спросил он.

Мисс Харпер с доверительным видом подалась вперед и быстро ответила, не обращая внимания на неодобрительные гримасы мисс Фиби:

– Я слышала, он изменял своей жене!

– Но только до свадьбы, Софи!

– Это то же самое.

– Глупости, сестра! Нельзя изменить жене до свадьбы. Спросите мистера Джонса.

Тот хотел возразить, что не слишком разбирается в подобных вопросах, но тут мисс Харпер не нашла ничего лучшего, как громко крикнуть: «Гав, гав!» – прямо в покрасневшее ухо сестры. Писатель замолчал, а мисс Харпер, испепелив взглядом оглохшую на время мисс Фиби, продолжила рассказ:

– А еще говорят, будто живущий в деревне мальчик – сынишка вдовы Пайк – как две капли воды похож на Хэнли Миддлтона!

– Неужели? – отозвался Джонс. – В деревне ходят слухи, что его подбросили. Это мой сосед.

Мисс Харпер кивнула, а мисс Фиби, внезапно обретя голос – и заодно свойственное ей добродушие, – резко выпалила:

– Никогда бы не подумала такое про миссис Пайк! Почтенная женщина, тихая и работающая.

– Но не очень умная, – заметила мисс Харпер, поджав губы. – Она не слишком умна, не правда ли?

– Психически неполноценна, – вставил Джонс, разбиравшийся в психопатологии и поэтому интересовавшийся болезнью миссис Пайк.

– О, тут я ничего не могу сказать, – произнесла мисс Харпер, – но после нашего приезда мы ничего такого за ней замечали, верно, Фиби?

– Значит, вас не было в деревне, когда здесь жил мистер Миддлтон? – спросил Джонс, неважно разбиравшийся в местной хронологии.

– Нет-нет. Мы приехали вскоре после того, как его похоронили. В конце месяца будет восемь лет, как мы живем здесь. Вообще-то мы из Танбридж-Уэллс. Вы знаете Танбридж-Уэллс, мистер Джонс?

У Джонса там жила тетя, но ему не хотелось, чтобы интересный разговор о Миддлтонах превратился в обсуждение английских курортов, поэтому он спросил:

– Так вы говорите, маленький Пайк похож на мистера Миддлтона?

– Он его копия.

Беседа явно подходила к концу, и Джонс хотел уже откланяться, как вдруг мисс Фиби спросила:

– А как вам миссис Пэшен?

– Она меня не беспокоит, к тому же хорошо убирает дом, и у нее всегда есть что поесть.

– Хм! На вашем месте я все-таки держалась бы подальше от Пэшен, – заметила мисс Харпер. – Может, вам лучше было бы обратиться к Пайк.

– Но она пьет, – сообщила мисс Фиби. – Говорят, что незадолго до родов миссис Миддлтон – а вы должны знать, что миссис Пайк была акушеркой, правда без лицензии...

– С лицензией, сестрица.

– Неважно. Я вам уже говорила, мистер Джонс, не следует ждать многого от Саксон-Уолл, но многие удивлялись, почему они не вызывали медсестру из Лондона или Манчестера...

– Вы знаете Манчестер, мистер Джонс?

– Сестрица, довольно! Вы же понимаете, что взять в акушерки миссис Пайк, которая и рук толком мыть не умеет, сомнительная затея. Кончилось тем, что молодая леди умерла от заражения крови.

– Ты забыла упомянуть про болезнь Пэшена, сестрица.

– Да, он сильно заболел, мистер Джонс, и...

– Говорили, что это отравление.

– Но на самом деле причина была в пьянстве. Его жена всегда жаловалась, что стоит ей его покинуть, как он впадает в меланхолию.

– В тот раз все зашло очень далеко. Нам рассказывала миссис Гэнт на почте. Его постоянно тошнило. Она тогда как раз следила за одним судебным процессом, где жертву отравили мышьяком: говорит, симптомы были те же самые.

– Его буквально выворачивало, – подхватила миссис Фиби. – А потом он лежал пластом и несколько дней был сам не свой.

– Наверное, много выпил, – заметил Джонс.

– Семнадцать пинт эля, если верить хозяину «Долговязого парня», – подтвердила миссис Харпер. – К тому же в саду нашли еще несколько пустых бутылок.

– А Пэшен нахально заявил, что не выпил из них ни капли, – усмехнулась мисс Фиби. – Хотя бутылок насчитали семнадцать штук.

– И представьте, перед смертью миссис Миддлтон он устроил то же самое! – воскликнула мисс Харпер.

- Ну надо же! – отозвался Джонс. – Подумать только!
- Говорят, он не хотел, чтобы жена оставила его и ушла ухаживать за мистером Миддлтоном, когда тот заболел. Вот почему это случилось.
- Он думал, что жена не пойдет в Неот-Хаус, а останется дома и будет ухаживать за ним.
- А Пайк поступила по-другому. Правда, она спасла его от желудочного зонда, но и только.
- Безусловно, мальчик на нее похож, – заметила мисс Харпер.
- Какой мальчик? Вы про молодого Пайка? – уточнил Джонс.
- О нет. Про малыша Миддлтона, разумеется, – ответила мисс Харпер.
- Но миссис Миддлтон действительно родила мальчика, сестрица.
- И миссис Пэшен тоже, только четырьмя месяцами раньше. Правда, ее ребенок умер.
- Только после похорон мистера Миддлтона, сестрица. Кажется, это было в следующую субботу?
- Его сглазила миссис Флюк. Она терпеть не могла миссис Пэшен, – мрачно заметила мисс Харпер.
- Но ведь она ее дочь! – удивился Джонс.
- Вы не знаете местных жителей, – вздохнула мисс Фиби.
- Послушали бы вы, о чем они говорят...
- И о чем они думают...
- Это просто ужасно!
- А что стало с ребенком? – спросил Джонс.
- Он отправился на небеса, – ответила мисс Фиби и покачала головой. – К счастью...
- Да, к счастью...
- ...его крестили в трехмесячном возрасте.
- Я имел в виду маленького Миддлтона, – пояснил Джонс.
- Если это действительно Миддлтон, – буркнула мисс Харпер, отведя взгляд от сестры. – Знаете, когда муж не верен жене, измена часто бывает обоюдной. И если младший Миддлтон – не Миддлтон, а молодой Пайк... Хотя говорить можно всякое, но согласитесь, не бывает дыма без огня.
- Джонс кивнул и, сбитый с толку всей этой путаницей между Пайками, Миддлтонами и Пэшенами, собрался уходить.
- Надеюсь, вы навестите нас еще раз, мистер Джонс? – обратилась к нему мисс Харпер.
- Мы откроем для вас баночку сливового варенья, и вы сравните его с клубничным от миссис Гэнт, – добавила мисс Фиби.
- Прошу прощения, – пробормотал Джонс, – но, мне кажется, я не совсем понял. Чей ребенок умер?
- Миссис Пэшен, – быстро ответила мисс Харпер.
- Неудивительно, если вспомнить, как пил его отец, – вставила мисс Фиби.
- И снова эль, сестрица.
- Бедное дитя, он был совсем слаб!
- Миссис Пэшен говорила, что раньше и сама была не прочь пропустить стаканчик эля, но с тех пор, как насмотрелась на мужа, даже думать не хочет о спиртном.
- Это и понятно, сестрица.
- Он добавлял в него джин.
- Ужасный человек! Подумать только, что мы давали ему работать в нашем саду, пока обо всем этом не узнали!

Глава III

«Нет никакой возможности примирить эти интересы; все, что мы можем, – соблюдать такт и не упускать из виду собственные цели».
Ханс фон Сект. Мысли солдата

Джонс вернулся домой и часа два просидел над книгой в своей гостиной, пока, случайно подняв голову, не заметил в окне старую женщину в красной юбке из плотной ткани. Подоткнув подол, она согнулась на грядке и занималась какой-то сельскохозяйственной работой, в которой Джонс, будучи убежденным горожанином, ничего не смыслил.

Он смотрел на нее битый час. Старуха медленно перемещалась по полю и частыми короткими толчками втыкала в землю железный инструмент. Выглядело это жутковато и в то же время зачаровывающе – методичное, изуверское кромсание ни в чем не повинной почвы. Джонс долго следил за ней с какой-то болезненной тревогой, и ему казалось, будто он слышит, как металл лязгает о камни.

Когда она закончила работать, наступили сумерки, и Джонс отправился в трактир «Долговязый парень» за вечерним элем, с неприятным чувством вспоминая этот эпизод.

На следующий день, часа в четыре, старуха снова вышла в поле и продолжила свою работу. Джонс стал за ней следить и так погрузился в наблюдения, что, когда в комнату вошла миссис Пэшен и со звоном поставила на стол поднос, от неожиданности вскрикнул.

Миссис Пэшен привычным жестом бросила в чашку два куска сахара – хотя он раз пять объяснял ей, что не любит слишком сладкий чай, – и выглянула в окно.

Это была грузная и медлительная женщина с черными волосами и тяжелым, похожим на маску, бледным лицом с грязноватой кожей. Впрочем, Джонс допускал, что в молодости мужчины находили ее привлекательной.

«Молчаливый и угрюмый, с грубым лицом», – вспомнил он слова сестер.

– Как там молодой Миддлтон? – неожиданно спросил Джонс.

Миссис Пэшен не ответила. Он решил, что вопрос показался ей бестактным. Она лишь пробормотала, глядя в окно:

– Значит, наша матушка Флюк опять пошла греметь костями?

Она отвернулась от старухи, которая, как вспомнил озадаченный Джонс, была ее матерью, и, обильно залив молоком болтавшиеся в чашке куски сахара, небрежно произнесла:

– Вы слышали, что на нашего священника навели порчу? Не удивлюсь, если матушка Флюк сведет его в могилу.

– Глупости, – покачал головой Джонс, пытаясь сохранить шутливый тон. – Не хватало, чтобы вы лепили восковые фигурки и втыкали в них булавки.

– Вы думаете, нужно? Хорошо, я ей передам, – равнодушно проговорила миссис Пэшен.

Джонс уставился на нее в изумлении, но белое как мука лицо женщины осталось абсолютно неподвижным. Запустив пятерню в волосы, она почесала ногтем голову и рассеянно бухнула в чашку еще два куска сахара. Уставший от споров Джонс ограничился тем, что взглянул на нее с упреком и, выудив сахар чайной ложкой, положил его на блюдце, чтобы она могла его заметить. Миссис Пэшен лишь нервно хихикнула, взяла потемневший от чая кусок и шумно втянула губами мокрый сахар.

– Неплохо попить чаек с сахаром, верно? – сказала она. – У нас парни так целуются.

Джонс не стал развивать эту тему и полушутливо промолвил:

– Наверное, мне следует уведомить викария, что ваша мать точит на него зуб?

– Угу. Скажите ему, чтобы спустил на нее всех гончих ада, – с суровой серьезностью возразила миссис Пэшен.

Писатель попытался улыбнуться, но выражение ее лица не изменилось.

Джонс познакомился с викарием в первые дни пребывания в Саксон-Уолл. Он приколачивал к стене консоль, собираясь водрузить на нее миниатюрную копию Венеры Милосской – единственной скульптуры, в названии которой никогда не ошибался, – как вдруг заметил маячившую в дверях фигуру.

– Простите, я вижу, что вы заняты, и не хочу вас беспокоить, – скромно произнес священник. – Просто я подумал, не нужна ли вам какая-нибудь помощь. Забить гвоздь, повесить занавеску...

С того раза они больше не виделись, и если что-то подтолкнуло Джонса отправиться тем же вечером в дом викария, то не столько желание посвятить его в неприязненные чувства миссис Флюк, сколько предвкушение дружеской беседы.

Его рассказ о наведенной порче ничуть не удивил священника.

– Старая миссис Флюк? Ну да, конечно. Не так давно она болела, и я приносил ей кое-какие гостинцы и немного вина. А теперь все это закончилось. Я знал, что могут возникнуть проблемы, но не предполагал, что дело дойдет до порчи. Она ведь мне отомстила.

– Неужели? Каким образом?

– Пригрозила, что станет ходить к баптистам. Они тут уже обратили несколько человек, и теперь дело только за дождем. По правде говоря, у них очень энергичный пастор, я восхищаюсь им. Его не назовешь ученым малым, однако он прекрасный проповедник и любит рассуждать о заблудшей овце и девяносто девяти праведниках. К сожалению, дождь не на его стороне, поэтому вряд ли ему удастся наставить на истинный путь многих грешников.

– Дождь? – удивился Джонс.

– Да. Видите ли, баптисты целиком погружают крещаемых в воду. Но в это лето такая засуха, что, если не собирать росу с травы, у них не хватит влаги даже на одно крещение. Вся надежда на дождь.

– И баптисты примут миссис Флюк? – спросил Джонс.

– Ну, если она выразит такое желание, сомневаюсь, что он сможет отказать. Между прочим, она сказала, что не пойдет к методистам, потому что методисткой была ее мать.

– Не понимаю, в чем тут смысл.

– Я тоже. И меня это устраивает. – Викарий понизил голос и провел пальцем между воротничком и шеей: – Когда в словах местных жителей есть какой-то смысл, чаще всего это такие непристойности, что лучше их вообще не понимать. Что касается их развлечений, они еще почище разговоров. Как вы думаете, что я запретил сразу, приехав сюда четыре года назад?

– Пьянство? – предположил Джонс.

– Петушиные бои. Ни больше, ни меньше. На юге Англии их тоже практикуют. Это обычай еще с четырнадцатого века, а может, и раньше.

– Неужели?

– Да. Я начал с того, что осудил его в своей проповеди и сравнил с ужасными боями быков в Испании. Но толку от этого не было, если не считать одного нелепого замечания от прихожанина по фамилии Пэшен – по сути дела, деревенского дурачка, у которого, как считается, есть «дар» обхаживать коров.

– Вот как?

– Пэшен работает скотником у Бердси. После проповеди он пришел ко мне и сказал: «Сдается мне, сильная это вещь – те бои, о которых вы рассказывали, святой отец. Хотел бы я взглянуть на них одним глазком. Вот только у них там, в Испании, похоже, не ценят скотину так, как у нас, верно? Мы-то держим быков не для того, чтобы развлекаться или чтобы развлекать их».

Джонс рассмеялся, а викарий продолжил:

– Короче говоря, это не сработало, и тогда я отправился в трактир «Долговязый парень» и бросил вызов всем владельцам петухов. Понятно, что каждую из схваток я проиграл. Мне отбили почки и сломали нос. Но в конце концов хозяин трактира – вы его знаете, он хороший христианин и к тому же не из местных, я о нем высокого мнения, – вмешался в дело, задушил двух собственных петухов и встал на мою сторону. Следующее, что я сделал, это запретил мальчишкам убивать гадюк.

– Однако это неприятные существа, не так ли?

– Ну и что с того? Мальчишки – тоже неприятные существа. Однако никто не предлагает колошматить их дубинами. Они охотились на этих несчастных созданий и убивали их зверским образом. Это было жестоко. Отвратительно. Мне это категорически не нравилось. И все они пели в церковном хоре. Я выгнал их. Они остались без денег. Некоторых даже поколотил. С тех пор меня прозвали Старым сатаной.

– Скорее всего, идеал религиозного общества для миссис Флюк – Армия спасения, – заметил Джонс, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

Викарий покачал головой:

– Они – богобоязненные люди. Глава их местной ячейки сообщила мне, что они не переманивают прихожан английской церкви. Уж не знаю почему. Может, дело в деликатности этой молодой женщины. К тому же миссис Флюк недавно сказала моему дворецкому – наверное, когда объявила ему о своем намерении погрузиться в крещальную купель, если Господь пошлет нам дождь, – что, по ее мнению, нет ничего ужасней армии, шествующий с флагами и оркестром, если только это не Давид, пляшущий с тамбурином в Силоме перед Ковчегом завета.

– Старая богохульница! – со смешком воскликнул Джонс.

– О, нет-нет, – серьезно возразил священник. – Дело тут не в богохульстве, и она не шутила. Эта сцена потрясла ее не меньше, чем Мелхолу, и, скорее всего, по тем же причинам. Вы не замечали, как упорно держатся одни и те же предрассудки в умах женщин на протяжении многих поколений? Кстати, если вам будет не хватать воды, приходите ко мне. Мой колодец никогда не иссыкает – так, по крайней мере, гласит местное предание. Я полагаю, это не что иное, как колодец саксонского монастыря, который был построен на этом месте. Деревня получила название в честь колодца, славившегося своей целебной водой, и прежде она называлась Саксон-Уэлл, а не Саксон-Уолл.

– Любопытно.

– Полгода назад Эймс, мой коллега из соседнего прихода, свалился в свой колодец и с тех пор берет воду только из моего. Объясняет, что в тот день чистил коровник и теперь его вода заражена. Однако его прихожане, которые в своих воззрениях ушли не слишком далеко от своих языческих предков, ютов и саксонцев, считают, будто колодец стал источником святой воды.

– Потому что в него упал священник?

– Да. Но не следует обращать внимание на подобные нелепости. Лучше их просто игнорировать. «В тот год язычники разорили Шеппи». Вы изучали англосаксонские хроники, мистер Джонс?

Писатель рассмеялся:

– Я изучал психопатологию. Это довольно интересно.

– Хотел бы я, чтобы вы применили свои познания на ком-нибудь из моих прихожан, – заметил викарий. – Вам было бы чем поживиться. И раз уж мы об этом заговорили, вы тот человек, который поможет нам развлечь детишек на ежегодном празднике в воскресной школе. В этом году мы собираемся проводить его на открытом воздухе возле замка, потому что у нас очень мало денег. Я буду безмерно счастлив, если вы к нам присоединитесь. Мы угостим их чаем прямо в поле, если будет хорошая погода, или в этом доме, если начнется дождь, а потом устроим всевозможные соревнования и викторины, выступления скаутов, деревенские танцы

и костюмированные игры. В половине девятого или в девять все разойдутся по домам, так что день будет не слишком длинным.

Джонс покачал головой:

– Все это не для меня.

Викарий улыбнулся:

– Да бросьте! Я понимаю, вам не по душе эта идея, да и на празднике будет невероятно скучно, но вы не представляете, как для меня важно притащить туда еще одного мужчину. Разумеется, у нас самые восхитительные дамы – не знаю, что бы я делал без них, – но я буду чрезвычайно признателен, если вы поддадитесь уговорам и окажете нам помощь.

Джонс, мысленно проклиная себя за глупость, ответил, что придет.

– Вот и замечательно! – радостно воскликнул священник. – Я сделаю вас судьей на состязаниях по бегу. Обычно я сам даю сигнал к началу, а одна или две дамы держат ленточку и объявляют результаты, однако тут одна проблема: почти у каждой в школе учатся собственные дети, и это приводит к предвзятости суждений. Распределение наград редко устраивает всех присутствующих.

– Господи, – простонал Джонс.

– Ваши решения никто оспаривать не будет.

– Даже если меня не поколотят мамы тех учеников, которые останутся без призов, удар по репутации мне обеспечен, – вздохнул Джонс. – Когда праздник?

Священник хотел ответить, но тут в комнату вошел его дворецкий – японец, которого он привез с собой из миссии. Родители в деревне пугали им детей, говоря, что японец придет и съест их, если они не будут слушаться. Дети постарше в этом сомневались, ссылаясь на мнение школьной учительницы, миссис Бэнкс. Та уверяла, что японцы питаются только рисом и религия запрещает им есть людей. По-английски он говорил коротко, но без акцента.

– К вам миссис Флюк.

– Пригласи ее, Нао.

– Хорошо. Она расстроена.

– Чем?

– Не говорит.

Миссис Флюк, с которой Джонс впервые столкнулся лицом к лицу, действительно выглядела расстроенной. Она сделала нечто вроде реверанса, демонстрируя викарию, что пришла по серьезному делу, и начала без предисловий:

– Ваше преподобие, все дело в моей дочери!

– Вы про миссис Пэшен?

– Марту Пэшен, как она себя называет!

– Миссис Флюк, к чему опять бессмысленные обвинения? Это нехорошо, и это неправда. Кстати, почему бы вам не обратиться за советом к баптистскому пастору?

– Ни в коем случае! – воскликнула миссис Флюк, процитировав Твидлдама², и ее взор слезящихся глаз пригвоздил Джонса к месту, предостерегая от улыбки. – Я-то знаю, что делаю, и не собираюсь быть баптисткой, нет! Они нехристи.

– Нехристи? – повторил викарий. – На вашем месте я не стал бы озвучивать столь... опрометчивые заявления.

– Я знаю, какие заявления мне делать, ваше преподобие, хотя, может, вы так и не думаете, – возразила миссис Флюк. По-прежнему не сводя взгляда с Джонса, она добавила: – Осенью мне стукнет восемьдесят годков, и я еще могу взять черта за рога.

– О да, – примирительно поддакнул Джонс, хотя не понял, имела ли она в виду свое крепкое здоровье или какой-то дьявольский обряд.

---

² Твидлдам (в др. переводах Траляля, Тилибом) – персонаж книги «Алиса в Зазеркалье» Л. Кэрролла.

– Так вот, она вместе со своим полоумным мужем прямо у меня под носом выдоила мою корову и украла яйца из курятника!

– Глупости! – замахал на нее руками священник. – Глупости, миссис Флюк!

– Не глупости, ваше преподобие, а сушая правда! – хрипло вскричала она. – Они сделали это дважды, хотя и один раз – это уже слишком! И если вы завтра не заявите об этом с кафедры, ноги моей больше не будет в вашем доме! Стыд и позор, что уважаемая женщина не может найти справедливости у единственного джентльмена во всем приходе!

– Вы не видели, как миссис Пэшен и ее супруг доили корову и воровали яйца? – спросил викарий, не клюнув на льстивое замечание о «джентльмене». – Вы этого не видели!

Миссис Флюк нехотя признала данный факт.

– Глазами не видела, если вы об этом! – ответила она. – Но глаза-то лгут. Зато я видела их духовным зрением, да-да, вот намереди, когда смотрела в свое стеклышко.

– Вот что, миссис Флюк, – сердито произнес викарий, – я вам уже говорил, что если вы будете гадать на кристаллах или чем-то подобном, то Господь проклянет вас на веки вечные и отправит в ад! Понимаете?

– М-м, – промычала миссис Флюк и задумалась, оттянув пальцами нижнюю губу. Внезапно ее лицо просияло. – Вы умеете красиво говорить, ваше преподобие, когда хотите!

– А вы, похоже, вовсе этого не хотите, – пробормотал себе под нос Джонс.

Старуха быстро отвела от него взгляд и перекрестилась.

– Господи, что вам еще взбрело в голову?

– А что он там про меня шепчет? – буркнула миссис Флюк, ткнув пальцем в Джонса.

– Просто процитировал одну строчку, – с виноватым видом ответил Джонс.

– Надеюсь, из Святого Писания, молодой человек?

– Э... нет.

– Я так и думала. – Она торжествующе взглянула на викария. – А насчет баптистов я вам скажу. Помните историю про Илию?

– Помню.

– Как он заливал алтарь водой?

– Да, да.

– И как все равно пришел огонь и все сгорело?

– Разумеется.

– Так почему же баптисты не могут послать на землю дождь? Они же так любят воду! Вода для них бог, но ему на них плевать! Значит, и мне на них плевать!

– Вот что, миссис Флюк, – сурово возразил священник, – я не позволю в своем присутствии говорить такие вещи. Не мое дело защищать представителей других конфессий, однако неприятно слышать столь грубые и непочтительные замечания. Вы что, язычница? Разве вы не понимаете, что дождь начнется в свое время, как предназначено Господом?

Миссис Флюк печально покачала головой.

– Конечно, вы больше в этом понимаете, ваше преподобие, – признала она. – Я только хочу сказать, что мистер Турфи не может крестить своих баптистов. А что до меня, то я ни воды не могу добыть, ни Марту Пэшен за руку поймать. И если так пойдет и дальше, я запутаю ее в ветвях деревьев, как того Авессалом, и пусть воин пронзит Марту своим мечом.

– Я поговорю с миссис Пэшен, хотя и убежден, что все это чепуха, – поспешно произнес викарий.

Миссис Флюк ответила ему реверансом и хотела продолжить разговор, однако священник уже нажал кнопку звонка, и на прощание она успела только сказать:

– Ладно-ладно, спасибо и на этом, но хочу напомнить, что помогать мне нести свое бремя – ваш священный долг. И раз уж вы были так добры, то вот вам четыре пенсы на детишек, хотя

я слышала, что в последний год они вели себя хуже всякого скота, и очень жаль, что на них нет пророка Елисея с его медведями.

Викарий молча взял четыре пенса, раскрыл бухгалтерскую книгу и вписал туда имя миссис Флюк и размер ее взноса.

– Странная женщина, – прокомментировал Джонс, когда она ушла.

Священник набил трубку табаком, закурил и хотел что-то ответить, но тут дверь снова отворилась, и в комнате появился японец.

– Миссис Пэшен, хозяин.

– Пусть войдет, Нао.

– Хорошо. Дочка Флюк и все-такое.

К миссис Пэшен вряд ли подходили слова и «все такое», подумал Джонс, с интересом разглядывая ее мертвенно-бледное лицо и раздутые ноздри. Как и мать, новая посетительница сразу перешла к делу.

– Во-первых, вот вам семь пенсов на мальчишек, – заявила она.

Викарий достал книгу и записал ее взнос. К удивлению Джонса, он и на сей раз не сказал ни слова благодарности.

– А во-вторых, – яростно продолжила миссис Пэшен, – эта старая чертовка постоянно врет, чтоб она сдохла! Но прийти сюда, к вам! Правду говорят – не только с плотью и кровью борется душа, но и со всяким наваждением от злого духа!

– Давайте к делу, миссис Пэшен. Вы жалуетесь на свою мать?

– Она мне не мать! Избави Бог от такой матери! Лучше бы я родилась от...

– Хватит! Объясните, зачем пришли.

– Она навела на меня заклятье, вот зачем.

Ее зеленоватые глаза, цвета болотной воды, вдруг злобно блеснули в сторону Джонса.

– Глупости, и вы сами это знаете! Будьте благоразумны!

– Но это не глупость, сэр. Она меня заколдовала! И беднягу Пэшена тоже.

– Что же она сделала?

– Как только мы выходим из дома, сразу слышим плач маленьких ягнят. Такой жалобный.

А вы сами знаете, у нас ягнят нет.

– Вы все это выдумали. Лучше скажите, зачем вы выдоили корову матери и украли у нее яйца?

Женщина покосилась на Джонса и хихикнула:

– Она вам с три короба наврет, а вы слушайте. Матушка мастер в этом деле. Говорит как по писаному. На самом деле у нее вообще нет кур. Это она украла у меня яйца, а я их вернула. Разве это воровство?

– Довольно! – крикнул викарий, внезапно потеряв терпение. – Говорите дальше, и побыстрее!

– Ага, – буркнула миссис Пэшен. Ее возмущение куда-то пропало, и, немного помолчав, она снова хихикнула: – К вам тут собирается Лили Саудолл, насчет Долговязого парня.

– Что за Долговязый парень? – спросил Джонс, но она не ответила и снова обратилась к священнику:

– Почему этот холм называют Громбум-Даун, сэр? Наверное, есть какое-то объяснение.

– Гутрум-Даун, милая, Гутрум-Даун.

– Ладно, – с сомнением протянула миссис Пэшен. – Но, поверьте моему слову, в этой деревне полно странных вещей – недаром парни из Армии спасения судачат о них «аки медь звенящая и кимвал звучащий».

Когда она ушла, Джонс выразил удивление тем, как часто деревенские жители употребляют библейские цитаты в повседневной речи. Викарий усмехнулся:

– Может, это было бы и неплохо, если бы они их так не перевирали. Увы, в жизни все они жуткие богохульники, полные мерзости и греха, и у меня порой волосы встают дыбом, когда я слышу, как они употребляют священные слова в любом смысле, но только не в том, в каком их нужно употреблять. Я не намерен вмешиваться в эту ссору между миссис Пэшен и миссис Флюк. Они обе хороши. Ходят ко мне чуть ли не каждую неделю и поливают друг друга грязью. За их жалобами всегда стоит что-то реальное, но они громоздят вокруг этого столько лжи, что докопаться до правды невозможно. Однажды они объединили свои силы, и деревню затопило потоком анонимных писем. Мы так и не узнали, кто был их автором, но я готов поклясться, что это дело рук нашей сладкой парочки. Миссис Флюк выливали ушат помоев, а миссис Пэшен переводила их на бумагу. Давайте выпьем виски и забудем об этом. Кстати, интересно, какое отношение Долговязый парень имеет к Лили Саудолл?

– Кто это?

– Служанка доктора. Я всегда считал ее здравомыслящей девушкой, которая не станет забивать себе голову местными легендами, но кто знает.

– Она не местная?

– Нет. Доктор не берет местных. Говорит, что все они распутные женщины и грязнули, уж не знаю почему. Он поселился тут после меня. В деревне его не любят и боятся. А это кое-что значит.

– Они действительно распутные женщины и грязнули? – спросил Джонс.

– Вероятно. Лили приехала сюда из Суррея. Боюсь, она окажется обычной суеверной дурочкой.

– А при чем тут Долговязый парень?

– Это нечто вроде нашего местного духа стихий. Вы интересуетесь паранормальными явлениями?

– Не особенно. Разумеется, я часто слышал всякие истории про привидений, но никогда им не верил. Правда, я неохотно ночую в местах, которые славятся тем, что их посещают призраки. Видимо, бессознательно придерживаюсь мнения, что «есть многое на свете, друг Горацио...» и тому подобное.

Оба рассмеялись, и викарий взял в руки сифон с содовой, когда в комнату снова заглянул японец.

– Мисс Саудолл. По неизвестному делу. Вся в слезах.

Лили Саудолл оказалась симпатичной девушкой в чистеньком и аккуратном платье. Она плакала и вообще была сама не своя. Присутствие в комнате Джонса явно ее смутило.

– Можно поговорить с вами наедине? – обратилась она к викарию. – Пожалуйста, сэр.

Джонс направился к двери.

– Подождите в соседней комнате! – крикнул ему вдогонку викарий. – Почитайте что-нибудь. Это не займет много времени.

Минут через пять он позвал его обратно.

– Дело касается вас, Джонс. Ох уж эти сплетницы! Что мне с ними делать? Объясните ему, Лили.

– Не могу, сэр.

– Ладно, тогда я скажу. Снова эта ужасная миссис Пэшен. Говорит, что вы спите с этой девушкой.

– Почел бы за честь, – возразил Джонс, отвесив поклон и улыбнувшись.

Лили икнула и хихикнула.

– Вот и прекрасно, – кивнул викарий. – Вытрите глаза, садитесь сюда, и давайте подумаем, что можно сделать. Миссис Пэшен на вас за что-то зла, Джонс?

– Не вижу для этого никаких причин.

– Значит, она зла на девушку. Чем вы ее рассердили, Лили?

- Ничем, сэр. Я ей ничего не сделала!
- Вспомните.
- Нет, сэр, я уверена, что ничего, если только...
- Вот это уже ближе к делу. Выкладывайте.
- Но вряд ли кто-нибудь мог увидеть в этом злой умысел или что-нибудь такое. К тому же это было очень давно.
- Говорите, говорите!
- Помните, сэр, как в прошлый праздник урожая к нам в воскресную школу пришел маленький джентльмен из Миддлтонов и сел вместе с моими мальчиками?
- Лили – одна из лучших учительниц в воскресной школе, Джонс, – объяснил викарий.
- В следующий понедельник я сказала миссис Пэшен, что хорошо рассмотрела лицо маленького джентльмена, и мне показалось – я хотела сделать ей комплимент, сэр, только и всего, – будто он очень похож на нее. Не понимаю, чем это могло ее задеть, сэр, ведь мальчик почти не бывает в деревне, к тому же он очень богат и не имеет никакого отношения к нашему кругу...
- Миссис Пэшен – странная женщина, Лили. Похоже, ваше замечание ее обидело. Вот что я вам скажу: мы сделаем вид, что мы выше этого, и все само собой успокоится, согласны?
- Да, сэр, но...
- Продолжайте, – вмешался Джонс. – Эти слухи насчет меня и вас плохо действуют на вашего молодого человека, не так ли?
- Как вы догадались, сэр?
- Обычная история. Послушайте моего совета и дайте ему хорошего пинка. Это его кое-чему научит.
- Я не хочу с ним ссориться, сэр.
- Кто он?
- Джаспер Корбетт из...
- Из «Долговязого парня». Это сын хозяина трактира, – объяснил викарий, – хороший парень, и с большими перспективами.
- Да, мы знакомы, – кивнул Джонс. – Я с ним поговорю. Надеюсь, мне удастся вразумить его и объяснить, что волноваться не о чем.
- Лили взглянула на него с сомнением, словно желая что-то возразить, но, поскольку люди ее положения привыкли думать, будто решения должны принимать исключительно мужчины, она лишь кивнула и молча удалилась.
- Странно, что она запнулась на названии трактира, – заметил Джон.
- Ничего странного, – возразил викарий, уловивший то, что ускользнуло от внимания писателя. – Вы когда-нибудь видели себя в зеркале в полный рост?

Глава IV

«Снежинки жадно садились на его волосы, бороду, плечи... Скоро след от полозьев исчез, и сам он, покрытый снегом, стал походить на белый утес, но глаза его все еще искали чего-то в облаках снега».

А. П. Чехов. На пути

Когда Джонс вернулся домой, на столе стоял ужин и миссис Пэшен уже сняла фартук, собираясь уходить. Она была в шляпке, которую никогда не снимала, кроме тех случаев, если приносила ему чай.

Джонс задержал ее:

– Послушайте, миссис Пэшен, что это за глупости насчет меня и Лили, или как там ее зовут? Вы хотите испортить репутацию бедной девушке? Я прошу вас взять свои слова обратно. Это недопустимо!

Крупное лицо женщины не дрогнуло.

– Не понимаю, о чем вы, сэр. С вашего позволения, сэр, что бы я ни говорила о Лили Саудолл, к вам это не имеет никакого отношения.

– Но вы всем рассказываете, будто она спит со мной!

– Ничего подобного, сэр.

– Лили сама так сказала. А девушка в ее возрасте не могла выдумать подобную историю!

– Если я что и сказала, мистер Джонс, так только то, что она спит с Долговязым парнем. Это всего лишь маленькая шутка насчет того, что она обручена с Джаспером Корбеттом, у которого отец держит трактир. Честное слово, сэр, клянусь вам чем хотите, назовите меня Дилайлой, если я вру!

Миссис Пэшен говорила бесстрастным тоном, но было заметно, что она взволнована. Что касается Джонса, то для человека, гордившегося тем, что все подлинные чувства берегутся им для книг, он разошелся не на шутку.

– Девушка очень расстроена, а я возмущен! Прошу вас опровергнуть нелепые и смехотворные слухи. Вы меня поняли?

– Очень хорошо, сэр.

Женщина пододвинула к нему капустный суп, яичницу с беконом и с достоинством направилась к двери. Джонс не удержался от улыбки:

– Спокойной ночи, миссис Пэшен.

– Спокойной ночи, сэр.

Она вышла, не повернув головы, и тихо закрыла за собой дверь.

Джонс взглянул на часы: половина десятого. Времени достаточно, чтобы поужинать, а потом успеть в трактир. В Саксон-Уолл, похоже, никто не слышал о запрете продажи спиртного после одиннадцати.

«Долговязый парень» не мог похвастаться роскошной обстановкой. Джонс миновал двор с низкими воротцами, наклонился, чтобы погладить собаку, и вошел в зал. На глаза ему попался дюжий парень с красным, как кирпич, лицом и синими глазами, судя по всему заведовавший баром.

– Есть минутка, Корбетт?

– Да, если я вам нужен, мистер Джонс.

– Я хочу вас побранить.

– Хорошо, мистер Джонс. Только подождите, пока меня сменил отец, он уже почти закончил ужин.

– Проблема вот в чем, – произнес Джонс, когда они вышли из зала. Он сразу перешел к делу с неожиданной для себя решительностью, пылая праведным гневом – чувством, которого не испытывал уже лет двадцать. – Зачем вы обидели Лили... запаматовал ее фамилию...

– Лили Саудолл, сэр?

– Да, Лили Саудолл.

Молодой Корбетт начал стегать крапиву прихваченным с собой прутом.

– Я совершил глупость, сэр, и наговорил много чего такого, чего не следовало.

– И настолько упрямы, что не хотите взять свои слова обратно?

– Парень не должен признаваться девушке, что не прав. Лучше просто сделать вид, будто все в порядке.

– А как насчет меня? Моя репутация тоже запятнана, разве нет?

Корбетт усмехнулся:

– Джентльмены получают свое удовольствие, сэр, и это не вредит их репутации.

– Где вы нахватались таких идей?

– Однажды мисс Фиби дала мне почитать книгу вашего однофамильца, Ганнибала Джонса, и там был парень по имени Каспар Дилмотуэй, который соблазнил одну девушку. Насколько я понял, сэр, он просто сделал что хотел и ему ничего за это не было, да и не будет, разве что после смерти.

– Господи, мои грехи пали на мою же голову! – воскликнул Джонс. – Ладно. Но вы же не верите во все эти рассказы про Лили?

– Нет, сэр, теперь нет.

У Корбетта был смущенный вид.

– Почему?

– Просто я все обдумал и сообразил, что зря слетел с катушек, и потом, у меня у самого была совесть нечиста насчет той ночи с Вайлерт Тизи, вот я и сорвался на Лили.

– Меня не волнует, что у вас было с другими девушками, но послушайте моего совета – не делайте глупостей и держитесь за Лили. Сходите к ней и извинитесь. Вы виноваты, и вам это только пойдет на пользу.

– Вы правы, сэр. Мне очень жаль. Хорошо, я к ней схожу. Но миссис Пэшен нельзя спустить это с рук. Она скверная женщина, мистер Джонс.

– Что вы имеете в виду, дружище?

Лицо молодого Корбетта стало серьезным.

– Что вы думаете об их детишках, сэр?

– О каких детишках?

– Разве мисс Харпер и мисс Фиби вам не говорили? Они уверяли отца, что вы в курсе. Мисс Харпер заявила, что вы из Лондона и сразу поймете, что к чему, лучше всякого другого. А мисс Фиби сказала, что это стыд и позор – ее собственные слова – и если что-то можно сделать, то вы обязательно сделаете.

– Не пойму, о чем вы?

– Об их детишках. О ребенке Миддлтона, ребенке Пайка и ребенке Пэшен, сэр. Мисс Харпер и мисс Фиби говорили, что объяснили вам, что к чему.

Джонс пожал плечами:

– Мисс Харпер и ее сестрица много чего мне рассказывали, но я особенно не слушал. Честно говоря, мне показалось, будто все это какие-то сплетни.

– Моя мать очень сердита на миссис Пэшен за те слова, что она говорила про вас и Лили Саудолл, сэр, – хмуро заметил Корбетт. – Она думает, что это неспроста. Вы не хотите побеседовать с моей матушкой, мистер Джонс? Она думает, что за такие дела ее следует привлечь к суду.

– Кого? Миссис Пэшен?

– Да.

Джаспер снова начал бить прутом крапиву. Они приблизились к просвету в изгороди, за которой начиналась лестница на Гутрум-Даун. Джонс поставил ногу на деревянную ступеньку, рассмеялся и неожиданно хлопнул Корбетта по плечу.

– Ну а вы хотите, чтобы ваша матушка поговорила со мной?

Лицо парня вспыхнуло, и его синие глаза блеснули.

– Мне бы очень хотелось, чтобы эта дрянная женщина получила по заслугам.

– Ладно, тогда поговорите с Лили, а я – с вашей матушкой. Но учтите, я не стану наказывать миссис Пэшен только за то, что она разносит обо мне глупые сплетни.

– А если матушка и отец сообщат вам все, что знают о ней, вы подскажите им, можно ли подать на нее в суд, сэр?

– Скорее всего вряд ли я сумею определить, есть ли смысл доводить дело до суда. Могу лишь посоветовать, следует ли обращаться с этим к адвокату, а там уж он сам решит. На это вы можете рассчитывать.

Молодой Корбетт кивнул:

– Хорошо, сэр. Я отправлюсь прямиком к доктору. Вечером Лили не работает, но я сомневаюсь, что она пойдет домой. Лили честная девушка, и ей не захочется рассказывать матери, что болтают про нее люди. Мать у нее строгая, мистер Джонс. Миссис Саудолл – методистка, а методисты очень суровы во всем, что относится к морали.

Джонс рассмеялся:

– Значит, у вас будет много времени, чтобы помириться!

Корбетт ушел, а Джонс еще постоял на лестнице и посмотрел на ячменные поля Гутрум-Даун. Округлый холм, коротко «остриженный» овечьими стадами, однако изумрудно-зеленый, громоздился над равниной подобно спящему гиганту, резко выделяясь на фоне небесной глади. По крутому склону змейкой вилась меловая дорожка, а на самой вершине покоился в каменной могиле древний вождь – неприкаянный дух, угрюмо паривший над деревней, или тот самый «долговязый парень» из местного фольклора.

В нависшей громаде холма, в раскаленном и неподвижном воздухе ощущалась какая-то угроза. Джонс вздохнул, думая о дожде. От этой мысли ему захотелось пить. Он медленно поплелся в сторону трактира, размышляя о распре между Корбеттом и миссис Пэшен.

Миссис Корбетт уже ждала его у входа. Она стояла под кустами вьющихся роз, перекинутых аркой над дверью дома, и поздоровалась, едва он приблизился к воротцам. Ничего не оставалось, как сделать любезное лицо и выслушать то, что она собралась ему сказать.

Женщина отвела его в полутемную комнату с узкими окнами и закрыла за собой дверь. Потом, высунувшись в окно и посмотрев направо и налево, затворила створки, заговорщицки улыбнулась Джонсу, поставила на стол вишневый пирог и, похвалив цветущий вид гостя, заговорила о мисс Харпер и мисс Фиби:

– Я часто бываю у них дома, мистер Джонс. Мы близкие подруги. Они так добры к Джасперу. Дают ему книги, приглашают нас на чаепитие. Очень милые и приятные особы. В Саксон-Уолл мы не слишком избалованы хорошим обществом, к тому же у викария нет супруги, поэтому мы сами развлекаем себя как можем. В нашем кружке мисс Харпер, мисс Фиби, я, Корбетт, когда мне удастся его заманить – хотя владелец трактира должен быть куда более общительным, – и еще мисс Бэнкс, местная учительница, просто очаровательная дама, честное слово, вы будете удивлены, да и ученикам с ней полегче, ведь бедная мисс Вудс совсем стара – ей уже за семьдесят, – и никакой пенсии, наверное, про нее совсем забыли. Правда, она немного странная, но, конечно, это пустяки, зато рассказывает нам всякие интересные истории, про Хамельнского крысолова, например, очень интересно, когда слышишь в первый раз. Жаль только, что нет дождя, тогда у нас в трактире было бы больше посетителей. Впрочем, деньги не главное, я всегда говорю это Корбетту, ведь, в конце концов, мы христиане.

Джонс перебил ее, выразив надежду, что ждать дождя осталось недолго, и, не слушая возражений, попросил вернуться к сути дела. Насколько он понял, бурный поток ее речи был не столько уклонением от главной темы, сколько затянувшимся вступлением. Миссис Корбетт легко подхватила утерянную нить беседы и продолжила с удвоенной энергией, очевидно вызванной тем, что ей удалось найти нового слушателя для уже не раз рассказанной истории.

– Ну вот, значит, нас четверо плюс пятый Корбетт и шестая миссис Бердси – хотя жены фермеров, между нами говоря, не самая лучшая компания, – и еще была жена баптистского пастора, пока она не умерла, бедняжка, впрочем, если уж говорить начистоту, мистер Джонс, люди из церковного сословия весьма достойные особы, но пожимание рук всем и каждому у входа в церковь перед вечерней службой, – в этом, знаете ли, есть нечто американское, хотя не мне судить, но, если хотите, им просто не достает хороших манер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.